

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ПИСЬМА ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

В статье рассматриваются особенности языка публицистики Татьяны Толстой как одного из ярких представителей постмодернизма.

Ключевые слова: публицистика, постмодернизм, дискурс, дискурсивный разрыв, прецедентный текст.

In the article features of language of publicism of Tatyana Tolstaya as one of bright representatives of a postmodernism are considered.

Key words: publicism, postmodernism, discourse, discursive break, precedent text.

Мы наблюдаем за формированием нового способа осознания человеком мира, культуры и самого себя. Данный способ выражения публицистами своей точки зрения опирается на философию постструктурализма. В рамках этого идейного течения философии мир предстает, как огромный текст, «в котором когда-то все уже было сказано», и только лишь «смещение определенных элементов дает новые комбинации» (Р. Барт) (цит. по: [Ильин 2001: 56]). Опирающийся на постструктуралистские постулаты тип мышления, называемый постмодернистским [Ильин 2001: 222], заявляет своим базовым принципом относительность любого знания. Поэтому оно должно подвергаться постоянной перепроверке посредством его погружения в разные контексты и ситуации, что и создает бесконечность смысловых приращений и точек зрения. Основной принцип анализа действительности постмодернистов – деконструкция (Ж. Деррида) [Ильин 2001: 58], позволяет демистифицировать фантомы сознания. Этот своеобразный взгляд на мир-текст, попытка увидеть другое его прочтение, показывает наивность однозначной интерпретации и представлений о действительности.

Как показывает анализ произведений, современная публицистика смело осваивает все новые возможности письма, не забывая о своем предназначении – «гармонизации жизни человека в обществе на основе углубления его знаний, совершенствование нравственности, со-

отнесение форм его поведения с санкционируемыми обществом нормами культуры» [Полонский 2009: 35].

На уровне композиции постмодернистский взгляд на мир выразился в стремлении воссоздать хаос жизни искусственно организованным хаосом принципиально фрагментарного повествования» [Ильин 2001: 219].

Ярким тому примером являются публицистические рассказы Т. Толстой.

Интертекстуальность – одна из важнейших черт ее художественного и художественно-публицистического письма. Благодаря интертекстуальности публицистика Т. Толстой приобретает особую смысловую глубину, поскольку злободневные социальные проблемы получают осмысление в новом формате, расширяющимся до философии быта и бытия, подвластного контролю социального человека. Прием интертекстуальности позволяет сделать социальные проблемы не только более зримыми, не только повернуть их своими новыми гранями, не только задать новый фокус их видения, но и утвердить новый способ описания мира, в котором слово становится полифоничным.

Тексты Т. Толстой похожи на «лоскутные панно», сшитое из прецедентных текстов, хотя и «белыми нитками», но весьма изящно, тонко, со вкусом, изысканно, с точным математическим расчетом, что придает повествованию особенную выразительность, многозначность, смысловую неодноплановость и притягательность. Автор совмещает прецедентные тексты, представляющие различные дискурсы, создавая, таким образом, поле напряженного социального диалога уже внутри фразы. Благодаря сплавлению текстов и их перефразированию создается новый смысл, который наслаивается на уже устоявшиеся ассоциации, благодаря чему создается смысловое напряжение. Расширение пределов значимого и эмоционально переживаемого достигается в публицистике Т. Толстой за счет того, что смыслы вынуждены вступать в продуктивный диалог за счет их инодискурсивных связей, то есть за счет выхода за пределы дискурса.

Рассмотрим, как Т. Толстая использует *прием дискурсивного разрыва* (термин А.В. Полонского) для создания образа Соединенных Штатов Америки. Рекламный образ Америки, тщательно создаваемый для его экспорта в Европу и прежде всего Россию, эффектно разбивается Т. Толстой прецедентными текстами из советского дискурса. Выразительная картина американской выставки как марке-

тинговый инструмент демонстрации заокеанского образа жизни, переведенная на другую почву, обнаруживает свою несостоятельность и лишь кричащую претензию на истинность.

Для иллюстрации вышесказанного обратимся к эссе «Лед и пламень» [Толстая 2002: 139 – 144], в котором отражается современное мировоззрение американцев и культ личности «цементирующего раствора нации», «национальной мыши» – Микки Мауса. Советская пропаганда породила огромное количество общеизвестных лозунгов. Т. Толстая вводит их в ткань публицистического текста, заставляя читателя по-другому взглянуть на рекламируемый мир американской демократии. Она сообщает о том, что миллиардными тиражами расходятся изображения «Друга Всех Детей», имея в виду, конечно, мыш, то есть знаменитого героя американских мультфильмов Микки Мауса. Однако для российского читателя словосочетание *Друг Всех Детей* имеет жесткую ассоциацию – Владимир Ильич Ленин или Иосиф Виссарионович Сталин. Третьего не дано. В социальной памяти остался лозунг – «Да здравствует Сталин, лучший друг советских детей!», а аббревиатура данного словосочетания даже обрела жизнь в мужских именах – *Ледруд* (Ленин Друг Детей) и *Лелюд* (Ленин Любит Детей).

Тоталитаризм всегда диктует обязательность общей идеологии, единых ценностей и идолов. В СССР портреты вождей «украшали» площади городов, учреждения, квартиры, нагрудные значки. В Америке сегодня также со всех вещей, «безвредных для прижимания к груди», смотрит Микки Маус - маленький идол, но требующий, как любой божок, поклонения и жертв.

Несмотря на то, что каждая американская семья «видела грызуна триллионы раз», она опять и опять хочет к нему возвращаться: «*Не насытится око!...*». И вновь выход в советский дискурс: «*На октябрьский праздник // Дедушка-сосед // Подарил мне в рамке // Ленина портрет. // Я портретом этим //Очень дорожу // И всегда с любовью // На него гляжу.*»

«*Да, это он!*», – восклицает Т. Толстая, говоря о Микки. «*Кто же еще описывается в таких терминах: воплотил в себе лучшие черты человечества, активный, положительный характер, заслужил постоянное место в истории.*». В советском дискурсе 60-х гг. в таких терминах описывался, как известно, первый космонавт, герой Советского Союза Юрий Гагарин – «настоящий русский парень»,

проложивший путь к звездам всему человечеству. Им по праву гордился весь советский народ. В Америке же гордятся *мышью* из мультфильма. Проводя параллели с советским обществом, где господствует «мы», где личность не обретает голоса вне хора, Т. Толстая воспроизводит и американский тоталитаризм, выражающийся в том, что *«весь американский народ, как один человек, в едином порыве, пьет те же липкие конкурирующие колы, носит те же бейсбольные кепки, горячо и верно любит мышь»*.

Т. Толстая отсылает нас к формулам столь распространенным в советском дискурсе, что их смысл в другом дискурсе доводится до абсурда, как, например, торжественная клятва пионера Советского Союза: «Я (Имя, Фамилия) вступая в ряды Всесоюзной Пионерской Организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: *горячо и верно любить* свою Родину».

Демократия обеспечивает реализацию личности. Однако на поверку это утверждение оказывается лишь мифом, еще одной американской картинкой. Т. Толстая рассказывает об американской фигуристке Ненси Керриган, опрометчиво обронившей *«дурное слово»* по отношению к Микки Маусу. *«Её шепот расслышал один журналист, который немедленно донес на получемпионку. Тут началось!... Вся страна, разгневанная, поднялась на защиту народной мыши»*. Фигуристка, ставшая вдруг врагом народа, *«плакала по телевизору, просила прощения... Но суровые лица простых тружеников... - далее см. материалы бухаринско-зиновьевских процессов»*. Прямая отсылка к советской действительности, данной Т. Толстой, позволяет почувствовать всю жесткость и жестокость американской машины, в которой личность может едва способна сущностно реализоваться. Псевдodemократическое американское общество отправило бы соотечественницу, если бы таковые существовали, *«в лагеря Мордовии»*. ГУЛАГ – не такой уж и призрак. Он всегда рядом.

Т. Толстая утверждает, что тоталитарное мышления присуще всем слоям американского общества, кроме того в нем истерия шпионажа. В доказательство она приводит свой диалог с профессором-либералом, представителем американской интеллигенции, который также жарко клянется в любви к диснеевскому персонажу, *«все же разговаривал он с иностранцем и план КВЖД за жемчугу стакан не продал»*. Здесь опять дискурсивный разрыв – цитация из песни «Марсель» (*«Таинственный граждан / Отмычкой отмыкает /*

Шикарный чемодан / Он предлагал мне деньги / И жемчуга стакан / Чтоб я ему разведал / Жиркомбината план»), сочиненной в ссылке политическим заключенным филологом-германистом Ахиллом Левинтоном. Песня, скорее всего, относится к концу 20-х – началу 30-х годов прошлого века, когда в воздухе витал призрак надвигающейся войны, и в обществе нагнеталась истерия шпиономании.

Постоянные сообщения советской прессы о различных диверсиях и террористических актах сеяли среди населения настоящую панику. Отметим, что на этом фоне особенно остро звучали повторяющиеся призывы к бдительности, требования разоблачать шпионов везде. Как кажется, аналогичная ситуация сложилась и в США – только в начале XXI века. «Сумма и тюрьма – неизбежные элементы американской демократии» (см. эссе «Засужу, замучаю, как Пол Пот – Кампучию») [Толстая 2002: 156 - 163].

В начале XX века в тоталитарном СССР миллионы людей попали в тюрьмы по совершенно нелепым обвинениям. В современной Америке стать заключенным не сложно, например, «Свистнул – пройдемте на нарты», а «контроль за соблюдением запретов соблюдают сами граждане». Граждане США с азартом пишут несметное количество судебных заявлений, отсуживают денежные суммы, требуют тюремных заключений для соотечественников. «Простому, испуганному человеку вскоре начинает казаться, что окружающий мир только по чистой случайности еще не весь оштрафован и не весь посажен».

В своих эссе Т. Толстая приходит к безрадостному выводу о стране – «прародительнице» демократии: «Никто здесь не признает в нас право быть другими, любить другое, зависеть от своих демонов, не от общепринятых». (см. эссе «Николаевская Америка»). Столь изысканная критика тоталитарными лозунгами картинок выставки американского общества не имеет аналогов в современном российском медиадискурсе. Мы можем утверждать, что понимание и «расшифровка» творчества Татьяны Толстой, яркого публициста, носителя индивидуальной, элитарной культуры, великолепно владеющего постмодернистским письмом, дает нам новые грани видения общества.

Литература

1. Абрамзон С.Б. Страницы моего детства // <http://michael.genealogia.ru/pred.htm>.

2. Высочина Ю.Л. Интертекстуальность прозы Татьяны Толстой (на материале романа “Кысь”): Диссертация... канд. филол. наук. – Челябинск, 2007.
3. Ильин И. Постмодернизм: Словарь терминов. – М.: INTRADA, 2001.
4. Полонский А.В., Перси У. Язык и смысл публицистики. – Белгород, 2009. – 188 с.
5. Толстая Т. День: Личное: Сборник рассказов и фельетонов разных лет. – М.: Подкова, 2002.
6. Юрков С.Е. Постмодернизм: приближение к антимиру // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века: Материалы научной конференции. 10 октября 2001 г. Серия “Symposium”. – Вып. 16. – СПб., 2001. - С. 85 – 88.

Л.А. Жебрунова (г. Смоленск, Россия)

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИИ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ СФЕРАХ ОБЩЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ (НА МАТЕРИАЛЕ СТРАХОВЫХ САЙТОВ И ОНЛАЙН-СЛОВАРЕЙ)

Когнитивно-дискурсивный подход применяется к сложным терминам, которые рассматриваются как модели вербализации профессионального знания, что позволяет выявить некоторые основные направления развития коммуникации, характерные для специализированного медийного дискурса – страхового взаимодействия. Метафоризация определяется как модель номинации новых явлений и рассматривается применительно к терминологическим системам на материале английских и русских терминов семантического поля «страхование».

Ключевые слова: сложный термин, номинация, метафоризация, лингвокогнитивные характеристики, объективируемая область ментального лексикона, качественно-характеризующие признаки, акциональные признаки.

In the following article we tried to explore the specific development directions in communication within the insurance law system as it is represented in Russian and English on-line glossaries. The term is characterized as a semeiotic model correlating with a certain cognitive discourse pattern. Metaphorisation is defined as the nomination pattern.

Keywords: composite term, nomination, metaphorisation, cognitive linguistic characteristics, source domain of the mental lexicon, attributive characteristics, action characteristics.